

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА И ИХ ФУНКЦИИ

Бурханова Гулрух Садриддиновна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Толибова Рухшона Анваровна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института.*

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию морфологических средств современного русского языка как многоуровневой системы, реализующей комплекс когнитивных, семантических и стилистических функций. В работе предлагается критический анализ существующих подходов к дифференциации морфологических средств, разграничивающих категориальные (формообразующие аффиксы и вспомогательные слова) и некатегориальные (супплетивные основы, акцентные и альтернативные парадигмы) единицы. Особое внимание уделяется явлениям морфологической синонимии и вариантности, рассматриваемым как механизмы гибкости языковой системы. На основе анализа теоретических положений, разработанных в рамках функциональной и когнитивной лингвистики, а также стилистической теории, автор демонстрирует, как морфологические категории имени существительного (падежные и числовые формы, родовая принадлежность) и глагола (временные формы, категория вида) адаптируются к требованиям различных функциональных стилей и дискурсивных практик. Делается вывод о том, что традиционное представление о морфологии как о наиболее формализованном и стилистически нейтральном ярусе языка требует существенного пересмотра в пользу понимания морфона как активного инструмента концептуализации и прагматической маркированности высказывания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морфология, морфемы, словоизменение, формообразование, грамматическая синонимия, стилистика, функциональная лингвистика, когнитивная лингвистика, русский язык.

ABSTRACT. This article examines the morphological means of the modern Russian language as a multi-level system that implements a complex of cognitive, semantic, and stylistic functions. The paper offers a critical analysis of existing approaches to the differentiation of morphological means, distinguishing between categorical (form-building affixes and auxiliary words) and non-categorical (suppletive stems, accentual and alternation paradigms) units. Special attention is paid to the phenomena of morphological synonymy and variability, viewed as mechanisms of linguistic system flexibility. Based on an analysis of theoretical propositions developed within functional and cognitive linguistics, as well as stylistic theory, the author demonstrates how the morphological categories of the noun (case and number forms, gender) and the verb (tense forms, aspect) adapt to the requirements of

various functional styles and discursive practices. The conclusion suggests that the traditional view of morphology as the most formalized and stylistically neutral level of language requires substantial revision in favor of understanding the morpheme as an active tool for conceptualization and pragmatic marking of the utterance.

KEYWORDS: *morphology, morphemes, inflection, form-building, grammatical synonymy, stylistics, functional linguistics, cognitive linguistics, Russian language.*

Формообразующий строй русского языка представляет собой сложнейший механизм, функционирование которого не может быть сведено лишь к простой передаче грамматических значений. Глубокий анализ морфологических средств обнаруживает их активную роль в процессах категоризации действительности, организации связного текста и реализации стилистических задач говорящего. В современной лингвистике, как показывают последние исследования,⁸⁸ происходит пересмотр традиционной парадигмы, согласно которой грамматика мыслилась как закрытая система правил, противопоставленная лексическому уровню, открытому для инноваций. Взаимодействие этих двух уровней оказывается значительно более динамичным, а морфологические единицы обретают статус полноценных носителей не только структурной, но и прагматической информации.

Существенное значение для уточнения понятийного аппарата имеет разграничение категориальных и некатегориальных морфологических средств. К первым, по мнению ряда ученых, относятся прежде всего формообразующие аффиксы и служебные лексемы,⁸⁹ которые выступают в роли конstituентов грамматической формы слова. Например, в паре форм, обозначающих одного или нескольких деятелей, окончание выступает обязательным маркером количественных отношений. Ко второй категории относятся супплетивные основы (наподобие тех, что используются для обозначения лица в единственном и множественном числе в некоторых частотных лексемах), а также фонологические процессы — чередования в корне или перемещение акцента. Эти явления представляют собой архаичный, но исключительно живучий пласт, дублирующий грамматическую информацию, уже переданную аффиксом, что приводит к интересным случаям морфологической избыточности. Кроме того, в устной речи к средствам выражения морфологической оппозиции иногда относят просодию, или интонационный контур, который способен различать синкретичные словоформы, а также порядок слов, выполняющий дифференцирующую функцию в синтаксической структуре высказывания.

Понимание морфемы как минимальной значимой единицы, обладающей как планом выражения (звуковая или графическая форма), так и планом содержания (семантика

⁸⁸ Панова, Г. И., Викторина, Т. В., & Кузьмина, А. Е. (2021).

⁸⁹ Беседина, Н. А. (2015). Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту. Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 1(3), 4-13.

или грамматическая функция), является фундаментом для анализа морфологического строя. В русском языке, как и в других флективных языках, корневые морфемы, как правило, свободны и способны функционировать самостоятельно. Однако отличительной чертой славянской морфологии является высокая степень связанности аффиксальных морфем — приставок, суффиксов и окончаний. Каждая из этих категорий демонстрирует специфическую функциональную нагрузку: приставки преимущественно модифицируют лексическое значение глагола (придавая ему значения направления, интенсивности или способа действия); суффиксы играют ключевую роль в словообразовании, участвуя в транспозиции частей речи (например, переходе признака в абстрактное свойство или качестве); окончания же выполняют сугубо синтаксическую функцию, обеспечивая согласование и управление в предложении.

Значительный интерес вызывает функциональная асимметрия в сфере словоизменения. Анализ конкретных парадигм показывает, что грамматическая форма — это не просто абстрактная схема, но единица, избирательно взаимодействующая с лексической семантикой. Рассмотрим, к примеру, формы числа у абстрактных или вещественных существительных. В нейтральном употреблении лексема, обозначающая субстанцию, лишена корреляции с множественностью. Однако в профессиональной речи или языке науки наблюдается транспозиция: форма множественного числа закрепляется за обозначением сортов, типов или измеримых порций вещества (например, при описании марок стали или вина). Аналогичный механизм действует в сфере абстрактной лексики, где форма множественного числа материализует процесс или состояние, конкретизируя его проявления (например, в контексте описания температуры или глубины). Эта способность к «лексикализации» грамматической формы служит ярким доказательством континуальности граффлексии.

Переходя к области стилистической дифференциации, необходимо отметить ошибочность взгляда на морфологию как на исключительно нейтральный ярус языка. Хотя количество строгих морфологических синонимов действительно уступает лексическому многообразию, они существуют и играют значительную роль в различении устной и письменной речи, официального и неформального общения. Ярким примером служат вариантные падежные окончания. Так, местный падеж (предложный) для некоторых односложных существительных мужского рода сохраняет архаичное ударное окончание, обозначающее нахождение в пространстве, в противовес нейтральному или предметному значению, передаваемому окончанием на месте безударного гласного. В разговорной стихии наблюдается тенденция к унификации окончаний родительного падежа, где партитивные формы с суффиксом (выражающие часть целого) активно вытесняются стандартным окончанием, хотя в идиоматизированных оборотах они еще сохраняются.

Имя прилагательное также предоставляет богатый материал для стилистических наблюдений, в частности, в сфере степеней сравнения. Простая синтетическая форма

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'OYALAR

компаратива демонстрирует стилистическую универсальность, встречаясь во всех регистрах речи. Напротив, аналитическая конструкция с вспомогательной частицей (обозначающей «более») имеет ярко выраженную книжную окраску и доминирует в научных и деловых текстах, где требуется точность и отсутствие экспрессии. Интересна судьба превосходной степени: простая форма с суффиксами экстремальности часто коннотирует субъективную оценку или высокую меру качества и фразеологизируется в устойчивых сочетаниях, тогда как описательная конструкция с местоимением, указывающим на высшую степень признака, остается семантически прозрачной и стилистически нейтральной.

В области глагольной морфологии ресурсы функционально-стилистической дифференциации также многообразны. Временные формы русского глагола, помимо своей основной темпоральной функции, активно используются в переносных значениях, которые строго закреплены за конкретными дискурсивными практиками. В лингвистических описаниях, а также в некоторых публицистических жанрах форма настоящего времени может обозначать вневременное действие — признак или свойство, присущее предмету в любой момент. В драматургии и сценической речи используется настоящее повествовательное (или историческое), которое переводит прошлые события в план настоящего, создавая эффект присутствия у реципиента. Юридические и инструктивные тексты характеризуются употреблением настоящего предписывающего, обозначающего обязательность совершения действия в силу регламента. Это демонстрирует, как морфология времени адаптируется под «жанровую память» текста.

Прослеживается также корреляция между родовой принадлежностью существительных и их стилистическим функционированием. Абстрактно-обобщающий характер среднего рода делает его предпочтительным инструментом номинации в сфере науки: термины, обозначающие процессы, состояния или обобщенные категории, часто оформляются именно с помощью этого грамматического рода. В разговорной и художественной речи картина меняется, здесь активнее используются формы мужского и женского рода, а также наблюдается процесс семантического согласования, когда род слова подчиняется биологическому полу референта (наименование профессии в разговорной речи склонно образовывать коррелят женского пола). Аналогичная динамика наблюдается в области личных местоимений: местоименные единицы первого и второго лица практически вытесняются из официально-делового дискурса, где предпочтение отдается пассивным конструкциям или безличным формам, в то время как в научном обиходе укрепляется так называемое «авторское мы», выполняющее функцию деперсонализации и придания объективности изложению.

Таким образом, анализ морфологических средств в их функциональном аспекте приводит к заключению, что грамматическая форма не является пассивным вместилищем лексического значения. Морфология русского языка функционирует как

гибкая интерпретационная система, позволяющая говорящему конструировать различные способы видения ситуации. Когнитивный подход к языку, получающий все большее развитие в современной науке,⁹⁰ утверждает, что выбор той или иной морфологической формы (от варианта падежного окончания до временной транспозиции глагола) не случаен. Он детерминирован концептуальной структурой, которую носитель языка намеревается актуализировать в речи. Морфологические средства, следовательно, выступают в роли операторов, переводящих ментальные репрезентации в линейную последовательность знаков, и подчиняются не только синтагматическим законам сочетаемости, но и парадигматическим стратегиям выбора, ориентированным на коммуникативный контекст и интенции субъекта речи.

Список использованной литературы

1. Панова, Г. И., Викторина, Т. В., & Кузьмина, А. Е. (2021). Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 20(9), 23-33.
2. Audring, J., & Masini, F. (Eds.). (2019). The Oxford handbook of morphological theory. Oxford University Press.
3. Беседина, Н. А. (2015). Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту. Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики, 1(3), 4-13.
4. Беседина, Н. А. (2016). Лексико-грамматическое взаимодействие в языке: когнитивный взгляд на проблему. Когнитивные исследования языка, (XXII), 563-565.
5. Пешковский, А. М. (1930). Русский синтаксис в научном освещении (6-е изд.). Государственное учебно-педагогическое издательство.
6. Кожина, М. Н. (Ред.). (2006). Стилистический энциклопедический словарь русского языка (2-е изд.). Флинта: Наука.

⁹⁰ Кожина, М. Н. (Ред.). (2006).

